DOI: 10.31249/rsm/2023.04.08

Ф.О. Трунов

КРИЗИС ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ ФРГ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В НАЧАЛЕ 2020-х годов

Аннотация. *Проблема создания и сохранения глобального военного присутствия существует для каждого действительно влиятельного государства. В статье внимание обращено на Германию с учетом её положения как «восходящей» державы (притом из числа стран Запада) и особой исторической ответственности как агрессора во Второй мировой войны. В рассматриваемой связи с начала 1990-х годов ФРГ основное внимание уделяла обычно небоевому использованию бундесвера в зонах вооруженных конфликтов, тем позиционируя себя на международной арене как миротворца. Однако в конце 2010-х – начале 2020-х годов либо произошел вынужденный стратегический уход Германии из ряда ключевых зон нестабильности (в Сомали, Афганистане, Сирии), либо отчетлива высокая вероятность данного сценария (в Ираке и Мали). Раскрываются политические и военные причины этого. Особое внимание уделено тем ограниченным результатам, которых ФРГ достигла в создании сил кризисного реагирования, «заточенных» под использование в зонах локальных конфликтов на глобальном уровне. Освещен вопрос трудностей и перспектив создания Германией системы заграничных военных баз на территории стабильных государств вне зоны ответственности НАТО. В связи с этим основное внимание сосредоточено на партнерах Берлина в Латинской Америке и Индо-Тихоокеанском регионе. Делается вывод об общих причинах кризиса глобального военного присутствия и перспективах его преодоления. В исследуемой связи подчеркнута контрпродуктивность растущего вклада ФРГ в «сдерживание» РФ и КНР.*

Ключевые слова. *Стратегическое присутствие; влияние; держава; Германия; бундесвер; вооруженные конфликты; силы кризисного реагирования; военные базы.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
WoS Researcher ID: AAC-7844-2020
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864

Trunov Ph.O. **The crisis of the German military presence in the international arena in the early 2020s**

Abstract. *The problem of creating and maintaining a global military presence is relevant for each genuinely influential state. The article examines Germany taking into account its role as a rising power (first of all, inside the Euro-Atlantic community) and special historical responsibility as the key aggressor in the World War II. Since the 1990s, Germany has focused on the non-combat usage of the Bundeswehr in the zones of armed conflicts outside of NATO`s zone of responsibility. In doing so, it has positioned itself as a peacemaker on the global stage. But in the late 2010s and early 2020s, Germany was forced to make a strategic exit from some zones of instability (in Somali, Afghanistan, Syria) and faced with the same scenario in others (in Iraq and Mali). The article reveals the political and military reasons for it. It also shows the limited results of Germany`s efforts in creating a crisis response force to be used in zones of instability in different parts of the world. The author also pays attention to the difficulties in and prospects for establishing military bases in the stable states outside of NATO`s zone of responsibility. In this regard the key attention is paid to the partners of Germany in South America and the Indo-Pacific region. The article draws conclusions about the key reasons of the crisis of German global military presence and the prospects for overcoming it. In the context the paper stresses the counterproductiveness of the growing contribution of Germany to the «containment» of the Russian Federation and the PRC.*

Keywords. *Strategic presence; influence; power; Germany; Bundeswehr; armed conflicts; crisis management forces; military bases.*

Trunov Philipp Olegovich – candidate of political sciences,
presenter Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN. Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru
WoS Researcher ID: AAC-7844-2020
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID: 0000-0001-7092-4864

Понятие «восходящая» держава традиционно ассоциируется с игроками за пределами Евро-Атлантического сообщества. Исключением, лишь подтверждающим правило, является кейс ФРГ. Во Второй мировой войне Германия стала ключевым агрессором, стремясь к порабощению человечества с предельно широкой – как функционально, так и географически – опорой на военную силу в её «чистом» виде. Принуждение к подписанию безоговорочной капитуляции, временная утрата национальной государственности сделали априори невозможным открытое возвращение ФРГ державных позиций в условиях биполярного миропорядка. Отложенный полноценный старт её движения

к лидерству произошел только в условиях окончания предшествующей холодной войны. Его частью стало распространение юрисдикции ФРГ на территорию ГДР (1990). До этого, создав мощный военный потенциал после вступления в НАТО (1955), Западная Германия принципиально отказывалась от его применения за пределами своей территории. Но с начала 1990-х годов стартовал процесс использования бундесвера не только вовне границ ФРГ, но и зоны ответственности Североатлантического альянса, найдя юридическое оформление на национальном уровне уже в 1994 г. [Varwick 2007].

Систему глобального стратегического присутствия, т.е. имеющего военную составляющую, Германия последовательно выстраивала с опорой на участие в урегулировании вооруженных конфликтов в различных регионах мира. Почему был избран данный вариант? Антитезой исторического наследия как крупнейшего агрессора выступало создание имиджа ФРГ как глобального миротворца. С начала 1990-х годов фокус в использовании вооруженных сил (ВС) ведущих государств мира сместился с подготовки к широкомасштабной войне на борьбу с преимущественно неклассическими угрозами безопасности. К их числу относятся: распространение «ячеек» террористических группировок, контрабанда оружия, взрывчатых и наркотических веществ, массовая неконтролируемая миграция. Все эти риски нестабильности зарождаются в основном в зонах вооруженных конфликтов. На практике спектр внутренних сил, участвующих в каждом из них, разнообразен и многочислен, тем существенно затрудняя возможности для урегулирования и часто делая необходимым привлечение внешних игроков. Особые требования предъявляются к ним в смысле эффективного использования вооруженных сил: в рамках деятельности по миротворчеству и поддержанию мира они должны были решать не только собственно военные задачи, но и содействовать созданию в целом условий и политико-психологической атмосферы перехода территории к постконфликтной (мирной) стадии развития.

Истеблишмент ФРГ расценивал такие рамочные условия для заграничного применения бундесвера крайне выгодными, так как де-юре они должны были обеспечить необходимый уровень легитимизации. Германия прилагала собственные военные усилия исключительно как часть многосторонних – прежде всего в сотрудничестве с партнерами по евроатлантическим институтам (НАТО, ЕС), реже с другими игроками. Подчеркивая успехи в деле денацификации и инкорпорирования ценностей либеральной демократии, Бонн / Берлин презентовал себя как «гражданскую», а, точнее, «невоенную державу» (*нем*. Zivilmacht) [Risse 2007, S. 49]. Термин означал для ФРГ в сравнении с другими игроками ограниченность обращений к потенциалу ВС, а в тех случаях, когда это имело место, – приверженность принципу «стратегической сдержанности». Сам бундесвер позиционировался как инструмент стабилизации в широком смысле ситуации в зонах вооруженных конфликтов

[Weißbuch… 2016, S. 90–95], де-юре отнюдь не нарушая формулы: «с немецкой земли будет исходить только мир», что была закреплена в договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (1990). На практике это должно было означать последовательное стремление ФРГ к небоевому (несиловому) использованию потенциала ВС, исключая случаи вынужденной самообороны.

Это правило имело, однако, ряд исключений: ключевые из них – участие ВВС ФРГ в военно-воздушных операциях НАТО на Балканах в 1995 г. (против Республики Сербия) и в 1999 г. (бомбардировки Сербии) [Baumann 2007, S. 69], что использовалось Германией для утверждения в роли региональной державы. Уже в XXI в. имело место точечное боевое применение спецназа в зонах нестабильности (в частности, в Афганистане) вне мандата Бундестага [Schwarzbuch 2016]. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев действительно наблюдалось несиловое использование применение военных. Когда урегулирование требовало разгрома или критического ослабления радикальных незаконных вооруженных формирований (НВФ), как это было в Афганистане в 2001–2002 гг., Сирии и Ираке к 2014 г., Мали в 2013 г., ФРГ оказывалась в зависимости от западных партнеров, готовых и способных проводить необходимые силовые акции (прежде всего, США и Франции).

Ко второй половине 2010-х годов Германия достигла заметных успехов в создании системы глобального военного присутствия с опорой на использование бундесвера в зонах вооруженных конфликтов. На региональном уровне эта схема в достаточно масштабном виде была апробирована на Балканах (в Боснии и Герцеговине, Косово, а также Македонии) в 1990-е – начале 2000-х годов. С начала 2000-х годов она нашла применение на Среднем Востоке (в Афганистане, что превратился в крупнейшее направление заграничного применения ВС ФРГ) [Antrag… 2011], с середины 2000-х годов – на Ближнем Востоке (в Ливане, десятилетие спустя также в Ираке и отчасти в Сирии), к середине 2010-х годов – в Западной Африке (Мали с распространением на группу *G5 Sahel* в целом). Параллельно Германия предпринимала неоднократные (в начале 1990-х годов, в начале и конце 2000-х годов) попытки закрепиться в районе Африканского рога. К середине 2000-х годов объем военного присутствия вне зоны ответственности НАТО, особенно в Азии и Африке, составлял до семи тыс. [Varwick 2007, S. 250], в отдельные моменты следующего десятилетия доходя до десяти тыс. солдат и офицеров [Glatz, Hansen, Kaim, Vorrath 2018, S. 8–11]. Однако в 2014–2015 гг. этот показатель упал до трех с половиной тыс., а в начале 2020-х годов – до двух-двух с половиной тыс. военнослужащих без учета группировок внутри зоны ответственности НАТО [Рассчитано на основе: Anzahl… 2022].

К этому времени Германия прекратила участие в военно-тренировочной миссии ЕС в Сомали (2018) и почти обнулила вклад в функционирование

морских сил объединения, предназначенных для борьбы с пиратством в Аденском заливе [Anzahl… 2022]. Вслед за США ФРГ была вынуждена пойти на полный демонтаж войскового присутствия под эгидой НАТО на севере Афганистана в апреле–июне 2021 г. К 2022 г. бундесвер полностью свернул участие в деятельности II западной антитеррористической коалиции в Сирии, еще ранее уменьшив его размеры в соседнем Ираке [Antrag… Drucksache 20/408 2022: 1–4]. Параллельно оставался весьма ограниченным еще с 2010 г. объем германских военных в составе миссии ООН на юге и прибрежных водах Ливана [Anzahl… 2022]. В апреле 2022 г. Берлин был вынужден согласиться с временным прекращением деятельности военно-тренировочной миссии ЕС в Мали [Antrag… Drucksache 20/1761 2022, S.7–9], а в сентябре 2022 г. риск такого сценария возник для последнего (!) крупного наземного контингента бундесвера – в составе миротворческих сил ООН в этой африканской стране, откуда уже была вынуждена осуществить стратегический выход Франция [Сидоров 2022]. Деградация военных позиций Германии на глобальном уровне тем болезненнее в условиях «смены вех» в стране (окончание продолжительной «эры» А. Меркель) и первых этапов новой реформы бундесвера, нацеленной на восстановительный рост его мощи [Bundeswehr-Pläne… 2017].

Задача статьи – исследовать кризис военно-стратегических позиций ФРГ вне зоны ответственности НАТО, выявить его причины и перспективы преодоления. В первых частях статьи автор остановился на данном круге проблем применительно к зонам нестабильности, в последней – задался вопросом о потенциале создания Германией системы военных баз в мире. Методологически работа опирается на положения теорий урегулирования конфликтов (в разделе, касающемся вооруженных как таковых) и строительства ВС с применением сравнительного анализа. Специалистами создан существенный задел в изучении особенностей военного присутствия ФРГ в различных частях мира [Арзаманова 2022; Major, Swistek 2022, S. 6–8; Tull 2019]. Однако наблюдается недостаток комплексных исследований, т.е. изучающих данную проблематику не применительно к конкретным региональным и страновым сюжетам, но на глобальном уровне в целом, особенно с учетом масштабных изменений начала 2020-х годов.

Демонтаж военного присутствия ФРГ в зонах вооруженных конфликтов

Следует подчеркнуть, что практически во всех представленных выше случаях свёртывание военного присутствия Германии носило *вынужденный* характер, будучи обусловлено широким кругом причин. В данном случае не следует преувеличивать значение фактора пандемии: обусловленная ею

«заморозка» мирополитических процессов сделала возникавшие тенденции их развития более отчетливыми, но отнюдь не создавала их непосредственно. Так, действия Германии как часть многосторонних усилий стран Запада не приводили к достижению положительной «точки невозврата» в урегулировании практически ни в одном из случаев. В 2020–2022 гг. это стало заметнее, чем ранее, однако, не будучи чем-то качественно новым.

В определенной мере стратегические неудачи объяснялись ошибками собственно военного характера. Радикальные НВФ, стремясь контролировать обширные территории, вынуждены были переходить от горизонтальной к вертикальной системе организации управления и военизированных отрядов. Это обусловливало их уязвимость перед несоизмеримо лучше оснащенными ВС стран Запада, что показали кампании 2001–2002 гг. в Афганистане и 2013 г. в Мали. Утрачивая общий контроль, НВФ вновь возвращались к горизонтальной схеме управления силами (автономные отряды), повстанческим и террористическим тактикам, что заметно усложняло противодействие им. В фазе смены стратегии радикальные силы были обычно наиболее уязвимы. Однако между сильным поражением НВФ и развертыванием войсковых сил стран Запада для реализации мер по миротворчеству и поддержанию мира часто наблюдался временной лаг (от нескольких месяцев до двух-трех лет), не позволяя достичь полного разгрома НВФ. Эта ошибка усугублялась недостаточностью первоначально выделенных сил и средств – их существенное увеличение происходило позже, когда время было упущено, а логика урегулирования требовала уже передачи нитей управления процессом местным органам власти и силам безопасности в стране происхождения конфликта. Так, в Афганистане выдвижение первых подразделений НАТО (притом из бундесвера) к северу от Кабула началось лишь с осени 2003 г., т.е. два года спустя начала урегулирования [Hett 2005, S. 12–18]. Развертывание в обширных провинциях Кундуз и Бадахшан условно достаточных сил бундесвера (эквивалент неполной бригады) был осуществлен только в 2008–2012 гг. [Antrag… 2011, S. 4]. Процесс урегулирования в Мали стартовал с 2013 г., однако заметный вклад (равноценный усиленному батальону) в урегулирование ФРГ стала вносить только с 2016–2019 гг. [Antrag… 2019, S. 3–5].

В Афганистане имело место также заметное запаздывание подготовки значительной по численности армии: в необходимых объемах эта деятельность стартовала лишь с конца 2000-х годов [Antrag… 2011]. В Мали она была начата в течение первого года, однако её объемы оказались недостаточны для перелома в борьбе с радикальными НВФ. Кроме того, некоторые из обученных частей приходилось возвращать на досрочную переподготовку из-за продемонстрированной низкой боеспособности [Сидоров 2018, с. 123–124]. Конкретно в случае Мали это вдвойне ударяло по ФРГ, вносившей наибольший вклад в деятельность *EUTM Mali* [Antrag… 2019, S. 3–5].

«Узким местом» выступала и недостаточная эффективность войсковой активности бундесвера: опасаясь потерь (и тем отзыва мандата) на севере Афганистана германские военные часто передвигались по одним и тем же маршрутам в неизменное время, не прочесывая обширные труднопроходимые районы на предмет схронов и комбатантов, пока те еще просачивались с юга поодиночке или мелкими группами [Hett 2005, S. 15–18]. В Мали не менее половины контингента (суммарно чуть более тысячи военных) были заняты охраной многонациональной базы, обслуживанием её и команд разведывательных беспилотников. «В поле» ФРГ могла выделить до 500 военнослужащих [см.: Antrag… 2019, S. 4–8], полагаясь на партнеров из Африканского союза и Францию (в рамках проводимой ею операции *Barkhane*).

Сторона конфликта, на которую делался упор со стороны Евро-Атлантического сообщества в смысле разноплановой (особенно военной) поддержки, либо оказывалась не готова к принятию ведущей роли в урегулировании, либо со временем отдалялась от стран – участниц ЕС и НАТО. Так, масштабные усилия по подготовке и оснащению вооруженных сил (штат – до 240 тыс.) и полиции (до 160 тыс.) Афганистана [Antrag… 2011] завершились полным провалом: под напором «Талибана»[*1] в 2021 г. они развалились подобно «карточному домику» в течение двух месяцев (!) после ухода миссии НАТО. В Сомали прекращение участия ФРГ в работе военно-тренировочной миссии *EUTM Somali* в марте 2018 г. стало реакцией на невозможность правительственных войск помешать восстановлению позиций «Аш-Шабаб»[*]. Схожая картина наблюдалась в Ираке весной 2019 г.: очередное усиление «Исламского государства» (ИГ)[*] на севере страны вынудило ФРГ пойти на временный (с возвращением в 2020 г.) демонтаж военно-тренировочной миссии, готовившей кадры правительственных войск и курдских пешмерга [Antrag… Drucksache 20/408 2022]. Новое укрепление ИГ[*] показало спорную эффективность II западной антитеррористической коалиции в Ираке в сопоставлении с действиями в соседней Сирии России и Ирана [Манойло 2020, с. 146–147]. В сотрудничестве с официальным Дамаском они смогли достичь качественного перелома в борьбе с ИГ[*]. На сирийском направлении это стало одной причиной свертывания ФРГ военной активности, а другой – низкая боеспособность военизированных формирований «умеренной» оппозиции, вступавших в симбиотические связи с «Джебхат ан-Нусрой», ИГ и иными радикальными НВФ.

В Мали, несмотря на функционирование спектра миссий с участием стран Запада – смешанных, т.е. имевших боевую составляющую, *Barkhane* (под командованием Франции, 2015–2021) и *Takuba* (под эгидой ЕС, 2020–

1. Здесь и далее [*] обозначены запрещенные в РФ организации.

2022), военно-тренировочной *EUTM Mali* и миротворческой *MINUSMA* – с конца 2010-х годов наблюдалась деградация урегулирования. На фоне успехов в деле замирения туарегов на севере Мали боевики террористических НВФ успешно перегруппировались на юг, в сопредельные с Буркина-Фасо районы, начав восстанавливать потенциал еще до наступления пандемии [Unterrichtung… 2020, S. 6–15] и ускорив это уже в ходе неё [Antrag… Drucksache 20/1761 2022]. Результатом стали смещение силовиками президента и правительства в Мали (в августе 2020 и вновь в мае 2021 г.) и Буркина-Фасо (в январе 2022 г.) с последующим дистанцированием от стран – участниц ЕС. Основная причина – желание местных военных, уставших от длительного функционирования радикальных НВФ на своей территории, пойти *альтернативным* путем – без встроенного и направляющего участия стран Запада. Переходные власти в Бамако вынудили пойти на свертывание миссий *Barkhane* и *Takuba,* временно приостановить (без конкретизации сроков возобновления) деятельность *EUTM Mali* к маю 2022 г. [Antrag… Drucksache 20/1761 2022, S. 7–9]. В этой ситуации ФРГ оказалась в более выгодном положении, чем другие страны Запада, особенно Франция, прилагая большие военные усилия по линии миссии ООН – в отличие от других, возглавляемых странами-участницами или институтами Евро-Атлантического сообщества, она вызывала токсичность, но всё же меньшую, у малийских военных [ibidem]. Однако это общее правило не распространялось на контингент Германии: новые власти в Бамако, как и ранее в случае других миссий, попытались поставить его деятельность под контроль. Жёстко реагируя на это, ФРГ заявила о снижении активности, т.е. военной помощи, не собираясь, однако, выводить войсковой контингент в составе *MINUSMA*. В данном случае повторялась ситуация с германскими инструкторами в составе *EUTM Mali*: несмотря на временное прекращение миссии в целом, они продолжили оставаться в Мали (в расположении сил бундесвера в *MINUSMA*) и Нигере [Anzahl… 2022]. Это отражало неготовность Германии пойти на свертывание последней крупной миссии вне зоны ответственности НАТО. Берлин объявлял свои действия законными, считая переходные власти в Мали нелегитимными вследствие формы их прихода к власти [Antrag… Drucksache 20/1761 2022]. Однако решения ФРГ вразрез с позицией руководства страны пребывания германского континента наделяет его признаками *интервенции*. Следует подчеркнуть, что не только в Мали, но и большинстве других случаев ФРГ не удалось избежать восприятия своих контингентов как форм навязываемого извне военного присутствия. Провозглашаемый отказ от боевого использования и активное участие солдат и офицеров Германии в помощи мирному населению (раздача гуманитарной помощи, восстановление значимых объектов социальной и экономической инфраструктуры) смягчали подобное восприятие местным населением, однако не решали эту проблему.

В целом странам и институтам Евро-Атлантического сообщества не удалось выработать дееспособной схемы урегулирования вооруженных конфликтов. Надежды на то, что в постбиполярных реалиях миропорядок станет лучше регулируемым [Risse 2007, S. 56], не оправдались: представляется, что этому мешало прежде всего стремление к западноцентричности данного процесса. Масштабные попытки привить ценности либеральной демократии на политическую почву стран Азии и Африки, что легло в основу урегулирования, не дали положительного результата.

Данная проблема ещё более обострилась в условиях растущей вовлеченности ФРГ в «холодную войну» между Евро-Атлантическим сообществом и РФ (с 2014 г.), а также выстраиваемую США, их партнерами систему «сдерживания» КНР (старт плавного подключения Германии – 2021 г.) [Арзаманова 2022; Dieter 2021]. Тем самым официальный Берлин предельно выпукло обозначил традиционную интегрированность в «коллективный» Запад, отдаляя себя от «не-Запада». Именно к нему относили себя силы, стремящиеся взять процесс урегулирования в свои руки в Мали (переходные военные власти) или в Афганистане (движение «Талибан»[*]). По мере развития конфронтаций возрастало их негативное влияние на возможности стран Запада по урегулированию вооруженных конфликтов – не гипотетических (как «российская угроза»), а экзистенциональных угроз для безопасности стран – участниц НАТО и ЕС. Для ФРГ эта проблема проявилась уже с 2014–2015 гг., резко обострившись на фоне специальной военной операции (СВО) РФ. Последняя являла вынужденное строго градуированное применение военной силы с целью недопущения неконтролируемой эскалации напряженности, т.е. перерастания «холодной войны» в полномасштабную «горячую». Действия Германии в контексте усилий Запада в целом оказались нацелены на ужесточение «сдерживания» РФ, что еще более усложняет для Берлина изыскивание необходимого потенциала для обеспечения должного присутствия в зонах нестабильности в Азии и Африке.

Проблема ограниченности профильной военно-ресурсной базы ФРГ

Для эффективного постоянного использования на отдаленных рубежах от территории страны пригодны далеко не все войска, но лишь специальным образом подготовленные, экипированные и оснащенные. Их уместно обозначить *силами кризисного реагирования* (СКР). Будучи относительно немногочисленны (тысячи, редко десятки тысяч военнослужащих), СКР должны готовиться к автономному использованию мелкими подразделениями – от роты и ниже вплоть до отдельно взятого бойца как самостоятельной боевой единицы. Это требовало от каждого военнослужащего СКР необходимой инициа-

тивности (но строго в пределах мандата контингента), способности эффективно действовать обычно в незнакомых природно-климатических условиях. Военнослужащий СКР обязан отнюдь не поверхностно разбираться в ходе развития и урегулирования вооруженного конфликта (включая знания о всех его значимых сторонах-участницах), в зоне которого он использовался. В техническом плане каждый боец, не говоря о командире, обязан быть оснащен комплектом спутниковой связи и навигации. Особые требования предъявлялись к парку военной техники СКР: они должны были быть густо насыщены наземными (особенно разведывательными) и воздушными (вертолеты, поддержка беспилотных летательных аппаратов различного предназначения) машинами, по возможности с дублирующим комплектом. Это требовало также полноценной тыловой поддержки на территориях, где обычно отсутствовала необходимая базовая инфраструктура.

Для всех видов вооруженных сил компонентой СКР являлись силы специальных операций (ССО), однако они традиционно были немногочисленны (так, в сухопутных войсках ФРГ на начало 2022 г. их имелось 1,5 тыс.) [Kommando Spezialkräfte… 2022]. Организационно в состав дивизии сил быстрого реагирования. Суммарно она имела 14,5 тыс. солдат и офицеров [Division… 2022], однако за вычетом частей транспортной авиации и вспомогательных сил, собственно войсковых подразделений насчитывалось лишь порядка шести тыс. военных (одна бригада и ССО) [Рассчитано на основе: Luftlandebrigade 1 2022, Kommando Spezialkräfte… 2022]. В ВМС к СКР относились фрегаты (с придаваемыми вертолетами и подразделениями морской пехоты), которые были сведены в две эскадры, имевшие суммарно 11 боевых вымпелов [2. Fregattengeschwader 2022; 4. Fregattengeschwader 2022]. В ВВС ФРГ в начале 2020-х годов как таковые СКР отсутствовали. Это объяснялось тем, что практически вся основная нагрузка в составе заграничных миссий ложилась на наземные войска (в том числе сильную армейскую авиацию) и ВМС. Последние из родов войск в целом достигли наибольших успехов в деле создания СКР [см.: Синдеев 2021].

Еще в 1990-е годы стала ясна необходимость создания профильных военных сил. Однако только к 2005 г. были определены контуры СКР, притом из-за их нехватки планировалось использовать в качестве частичной замены наиболее боеспособные подразделения сил общего назначения (СОН) [Grundzüge… 2004, S. 21–27]. Соответствующий положительный опыт был наработан на Балканах в 1990-е годы, однако применительно к Азии и Африке он оказался менее приемлемым. Главной трудностью оказалась невозможность создать СКР необходимой численности, особенно в случае армии. Вместо планируемых двух дивизий (каждая традиционно имела по три войсковых бригады) была создана лишь одна, притом включавшая только ССО и одну германскую войсковую бригаду [Division… 2022], что де-факто существовала

еще с предшествующей холодной войны. В итоге с учетом пятиочередной схемы ротации (шесть месяцев в районах применения вне зоны ответственности, после чего 24 месяца в районах постоянных дислокаций в резерве или для выполнения иных задач) сами СКР были способны развернуть: по линии армии – лишь чуть более одной тыс. боевого состава и одну-полторы тыс. сил поддержки, ВМС – два-три фрегата, т.е. эквивалент всего лишь одной-двух батальонных и одной морской оперативной групп. Основная причина проблем – последовательный процесс редукций бундесвера с 1990-х до середины 2010-х годов. Изначально планировалось осуществлять дорогостоящее оснащение и применение СКР за счет уменьшения СОН [Varwick 2007: S. 252–258], однако логика «сокращений ради сокращений» вкупе с отсутствием роста военных расходов в 2000-е – первой половине 2010-х годов в итоге не позволили нарастить СКР до нужного уровня.

Новая холодная война между Евро-Атлантическим сообществом и РФ привела к резкому возросшему объему использования боеспособных частей СОН для комплектования группировок НАТО внутри зоны её ответственности. Тем сильно сократилось «окно возможностей» для замены СКР подразделениями СОН в отдаленных зонах нестабильности, особенно по линии сухопутных войск. Стартовавший в конце 2010-х годов восстановительный рост ВС (личного состава, парка единиц оружия и военной техники) и профильных расходов нацелен прежде всего на наращивание СОН. Напротив, задача увеличения СКР (доукомплектования до штата единственной дивизии) отложена как минимум до начала 2030-х годов [Bundeswehr-Pläne… 2017].

Сложности и перспективы создания военных баз в стабильных государствах вне Евро-Атлантического сообщества

Вне зоны ответственности НАТО альтернативой утраты позиций в зонах нестабильности для ФРГ потенциально могло бы стать создание сети военных баз. Почему Германия не делала этого до начала 2020-х годов? *Во-первых,* в её случае отсутствовал феномен постимперских пространств, где традиционно наблюдались попытки воссоздания стратегического влияния. В отличие от Великобритании и Франции, Германия потеряла колониальные владения уже в Первую мировую войну, т.е. на треть века раньше. Кроме того, сами по себе заморские владения Второго рейха были несоизмеримо менее обширны, географически разбросаны, функционировали относительно недолго. Заметны попытки стратегического возвращения ФРГ в Намибию (в 1890–1915 гг. – Германская Юго-Западная Африка), препятствием чему служит политика жесткого угнетения местного населения в период колонизаторства Вторым рейхом [Ивкина 2022].

Во-вторых, важна ограниченная политико-дипломатическая и особенно практически нулевая военная активность ФРГ за пределами НАТО в предшествующую «холодную войну». Это обусловливало отсутствие не только наработанных позиций, но и накопленного опыта тесного военного сотрудничества со странами бывшего «третьего мира», когда многие из них проходили стадию становления национальной государственности.

Определенную роль играет тот факт, что сама ФРГ была реципиентом масштабного иностранного военного присутствия (группы держав и стран – союзниц по НАТО) [Fleckenstein 1990, S. 2–4]. С одной стороны, это позволило глубоко понять специфику военных баз внешних игроков, создаваемых на длительную перспективу, с другой – Бонну / Берлину оказалось не так легко перейти из положения объекта в субъект в данном вопросе.

В-третьих, исключительно значимо восприятие Германии. Исторически – Третьего рейха как ключевого агрессора во Второй мировой войне. Сама ФРГ позиционировала себя последовательным адептом «либеральной демократии» [A Multilateralism… 2021]. Это являлось безусловным преимуществом в диалоге со странами Запада, которые не входили в ЕС и НАТО. Однако данные игроки в основном расположены в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), для них наиболее важным союзником выступали США, особенно в военном плане. В случае остальных государств мира, многие из которых относилось к не-Западу, позиционирование Германии выступало фактором усложнения для доверительного диалога. Логично, что трудности усиливались по мере втягивания Берлина в выстраивание конфронтаций с РФ и КНР.

Наиболее предпочтительным для ФРГ вариантом баз бундесвера являются военно-морские базы (ВМБ). В сопоставлении с другими типами (воздушной, сухопутной) данный вариант в намного меньшем масштабе создает эффект навязываемого иностранного присутствия. Большинство единиц техники (кораблей, субмарин) будут в основном находиться в Мировом океане – вне государства-реципиента и даже его территориальных вод. Стремясь оптимизировать численность персонала и расходы на ВМБ, ФРГ будет скорее заинтересована в создании базы не с нуля, но во взятии в аренду с технической модернизацией береговой инфраструктуры сегмента порта – сугубо военного или принимающего гражданские суда. Уже отмечалось, что ВМФ из всех видов войск в бундесвере обладал наибольшими возможностями в области кризисного реагирования. Кроме того, преимуществом Германии выступает географически диверсифицированный и разнообразный по номенклатуре экспорт морских кораблей (особенно фрегатов, корветов, патрульных катеров) и субмарин (прежде всего, проектов 212, а также 209). Для отстаивания позиции в вопросе создания ВМБ ФРГ может использовать не только факт поставок боевых единиц, но и гарантии их технико-технологической

модернизации, продаж необходимых запчастей, помощи в обучении личного состава. Очевидно, что для партнера будет особенно важен вопрос «всесезонности» такого сотрудничества. На практике, однако, официальный Берлин не всегда сможет гарантировать это из-за идеологического догматизма.

Доминирующим над всеми сугубо военными, военно-техническими аспектами является общеполитический фон: степень продвинутости межгосударственного диалога в средне- и долгосрочной ретроспективе и перспективе. Так, признаки интереса Германии к созданию заграничной ВМБ наблюдались в случае Бразилии. Помимо достаточно крупного размера военного экспорта из ФРГ, благоприятный фон задавался взаимной поддержкой сторон в *G4* – группы «восходящих» держав, претендующих на постоянные места в Совете Безопасности ООН. Однако краеугольным камнем, определяющим необходимые рамочные условия для постановки вопроса о ВМБ, выступает запуск и функционирование механизма межправительственных консультаций. Но первые переговоры в данном формате, проведенные при Д. Русеф в августе 2015 г. [Pressestatements… 2015], оказались по состоянию на начало 2020-х годов единственными, отражая последовавшую деградацию диалога при Ж. Болсонару. Вместе с тем определенные перспективы возможны после очередного избрания президентом Бразилии Л. Да Силвы.

«Окно возможностей» появилось в случае ИТР (Австралия, Япония) в условиях развития «холодной войны» США, группы их партнеров с КНР. Однако существенной трудностью является позиция самой ФРГ в вопросе развития данной конфронтации. Берлин подключился к её выстраиванию только после начала президентства Дж. Байдена, при Д. Трампе не желая поддерживать его планы в реалиях «ледникового периода» в диалоге. В сопоставлении с российским (притом по состоянию еще до начала СВО) на китайском направлении объем и чувствительность мер ФРГ против оппонента несоизмеримо меньше. Так, вместо огромной нагрузки по комплектованию группировок НАТО в Европе Берлин в начале 2020-х годов на Дальнем Востоке ограничился отправкой фрегата «Бавария» с военно-дипломатической миссией [Indo-Pazifik… 2021]. Вопреки первоначальным планам кораблю было отказано в заходе в порты КНР [Арзаманова 2022, с. 268]. Фрегат принял активное участие в совместных учениях с ВМС Австралии, США и Японии, демонстративно проследовал через спорные районы Восточно- и Южно-китайского морей [там же]. Однако ограниченность вклада ФРГ в «сдерживание» КНР не могла не вызвать неудовольствия со стороны группы англосаксонских держав. Наглядным проявлением того стало создание 15 сентября 2021 г. *AUKUS* – объединения Австралии, Великобритании и США, и 24 июня 2022 г. *Blue Pacific Alliance* с участием указанного триумвирата, а также Новой Зеландии и Японии. Это структуры избирательного состава отчетливо продемонстрировали круг ключевых партнеров США в «сдерживании» КНР,

де-факто представляя пример недружественного мультилатерализма по отношению к ФРГ. Примечательно, что *AUKUS* был учрежден одновременно с пребыванием фрегата «Бавария» у Австралии [Remarks… 2021; Deutsches Kriegsschiff… 2021]. Несмотря на активные шаги официального Берлина по сближению (и достаточно объемный военный экспорт наземных вооружений), Канберра как минимум в ближне- и среднесрочной перспективе едва ли будет заинтересована в появлении у себя ВМБ ФРГ. Существенно лучшие перспективы наличествуют в случае Японии – с Токио у Германии наиболее продвинутые отношения в сфере безопасности и обороны из всех дальневосточных игроков, а также среди партнеров по *G4*. Вместе с тем такой опыт сотрудничества актуализирует историческую память о германо-японском союзе во Второй мировой войне, когда обе державы были ключевыми агрессорами на глобальном уровне.

* * *

На рубеже 2010-х – 2020-х годов ФРГ столкнулась с обвальным, подобным «эффекту домино», ослаблением военного присутствия в зонах нестабильности. Как минимум на среднесрочную перспективу низки шансы его восстановления, в том числе частично в новых субрегионах, как и вероятность создания первых военных баз Германии в отдалении от Евро-Атлантического сообщества. Эти тенденции резко сокращают возможности для утверждения ФРГ в положении полноправного глобального игрока: стартовав еще в 2000-е годы, этот процесс рискует перейти в категорию отложенных.

Отчасти это обусловлено тактическими ошибками, в том числе в вопросах развития и использования бундесвера на дальних рубежах от ФРГ. Но основная причина неудач официального Берлина в реализации его амбициозных планов усматривается в жестком позиционировании Германии как органичной части «коллективного» Запада. Логично возрастание трудностей в этом отношении в условиях возникновения и развития новых «холодных войн» с РФ и КНР. Это заставляет ФРГ перенаправлять ресурсы, в том числе собственно военные, вовнутрь зоны ответственности Евро-Атлантического сообщества, тем де-факто отдаляя Германию от создания прочных военно-стратегических позиций на мировой арене в целом.

Библиография

Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284.

Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. № 1. С. 171–181.

Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.

Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 79–108.

Сидоров А.С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 116–137.

Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: проблемы военно-морских сил // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 7. С. 18–21.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarken des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. 12 S.

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 19. Dezember 2022) // Statista.de. 19.12.2022. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional (дата обращения: 20.12.2022).

Baumann R. Deutschland als Europas Zentralmacht // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 62–72.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen // DBwV. 19.04.2017. URL: https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (дата обращения: 20.12.2022).

Deutsches Kriegsschiff besucht Westaustralien // BMVg. 30.09.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsches-kriegsschiff-besucht-fremantle-5225188 (дата обращения: 20.12.2022).

Deutschland und Japan intensivieren militärische Kooperation // BMVg. 22.06.2021. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-und-japan-intensivieren-militaerische-kooperation-5097576 (дата обращения: 20.12.2022).

Dieter H. First Summit of the Anti‑China Coalition // SWP-Comment. 2021. № 36. 5 p.

Division Schnelle Kräfte // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte (дата обращения: 20.12.2022).

Fregattengeschwader // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/2-fregattengeschwader (дата обращения: 20.12.2022).

Fregattengeschwader // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/4-fregattengeschwader (дата обращения: 20.12.2022).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 S.

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 S.

Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr. Berlin: BMVg, 2004. 52 S.

Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Berlin: Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, 2005. 30 p.

Indo-Pazifik: Die «Bayern» auf diplomatischer Mission // BMVg. 29.07.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746 (дата обращения: 20.12.2022).

Kommando Spezialkräfte // BMVg. 2022. Mode of access: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/kommando-spezialkraefte (дата обращения: 20.12.2022).

Luftlandebrigade 1. // BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1 (дата обращения: 20.12.2022).

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid // SWP-Aktuell. 2022. № 49. 8 S.

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin: Federal government, 2021. 148 p.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen // Bundeskanzleramt. 20.08.2015. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404 (дата обращения: 20.12.2022).

Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS // The White House. 15.09.2021. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/ (дата обращения: 20.12.2022).

Risse T. Deutsche Identität und Außenpolitik // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 49–61.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2016. 124 S.

Tull D. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. 2019. № 23. 4 S.

Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali / Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 20 S.

Varwick J. Bundeswehr // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 246–258.

Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesregierung, 2016. 143 S.

References

A Multilateralism for the People. Federal Government White Paper. Berlin: Federal government, 2021. 148 p.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. 12 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarken des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/408, 12.01.2022. 12 S.

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr (Stand: 19. Dezember 2022). Statista.de. 19.12.2022. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional (date of access: 20.12.2022).

Arzamanova T.V. Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovanija Germanii v Indo-Tihookeanskom regione v uslovijah vozvrashhenija sopernichestva velikih derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. Current problems of Europe. 2022. N 4. Pp. 258–284.

Baumann R. Deutschland als Europas Zentralmacht // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 62–72.

Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. DBwV. 19.04.2017. URL: https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/ (date of access: 20.12.2022).

Deutsches Kriegsschiff besucht Westaustralien. BMVg. 30.09.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/deutsches-kriegsschiff-besucht-fremantle-5225188 (date of access: 20.12.2022).

Deutschland und Japan intensivieren militärische Kooperation. BMVg. 22.06.2021. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/deutschland-und-japan-intensivieren-militaerische-kooperation-5097576 (date of access: 20.12.2022).

Dieter H. First Summit of the Anti‑China Coalition. SWP-Comment. 2021. N 36. 5 p.

Division Schnelle Kräfte. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte (date of access: 20.12.2022).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. SOWI-Arbeitspapier. 1990. N 44. – 12 S.

Fregattengeschwader. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/2-fregattengeschwader (date of access: 20.12.2022).

Fregattengeschwader. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/organisation/einsatzflottille-2/4-fregattengeschwader (date of access: 20.12.2022).

Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2018. 52 S.

Grundzüge der Konzeption der Bundeswehr. Berlin: BMVg, 2004. 52 S.

Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Berlin: Zentrum für Internationale Friedenseinsätze, 2005. 30 p.

Indo-Pazifik: Die «Bayern» auf diplomatischer Mission. BMVg. 29.07.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746 (date of access: 20.12.2022).

Ivkina N.V. Kul'turno-gumanitarnye otnoshenija Germanii i Namibii: opyt preodolenija kolonializma [Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: experience of colonialism overcoming]. Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2022. N 1. Pp. 171–181.

Kommando Spezialkräfte. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/kommando-spezialkraefte (date of access: 20.12.2022).

Luftlandebrigade 1. BMVg. 2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/division-schnelle-kraefte/luftlandebrigade-1 (date of access: 20.12.2022).

Major C., Swistek G. Die NATO nach dem Gipfel von Madrid. SWP-Aktuell. 2022. N 49. 8 S.

Manoilo A.V. Konflikt v Sirii i vneshnjaja politika Rossii [Conflict in Syria and Russian foreign policy activism]. Current problems of Europe. 2022. N 2. Pp. 145–172.

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und der brasilianischen Präsidentin Rousseff anlässlich der 1. Deutsch-Brasilianischen Regierungskonsultationen. Bundeskanzleramt. 20.08.2015. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-der-brasilianischen-praesidentin-rousseff-anlaesslich-der-1-deutsch-brasilianischen-regierungskonsultationen-am-20-august-2015-846404 (date of access: 20.12.2022).

Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS. The White House. 15.09.2021. Mode of access: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/ (date of access: 20.12.2022).

Risse T. Deutsche Identität und Außenpolitik. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 49–61.

Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr. Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung, 2016. 124 S.

Sidorov A.S. Francija v Sahele: tekushhie problemy i vozmozhnoe razvitie voennogo konflikta [France in the Sahel: ongoing problems and possible development military conflict] // Urgent problems of Europe. 2018. N 4. Pp. 116–137.

Sidorov A.S. Voenno-politicheskij balans vozmozhnostej Francii v Sahele: jetapy i mehanizmy vyhoda s TVD. [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. Current problems of Europe. 2022. N 4. Pp. 79–108.

Sindeev A.A. Germanija i transformacionnye processy v sfere bezopasnosti: problemy voenno-morskih sil [Germany and transformation processes in security: problems of the navy]. Society: politics, economy, law. 2021. N 7. Pp. 18–21.

Tull D. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Comment. 2019. N 23. 4 S.

Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali / Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. 20 S.

Varwick J. Bundeswehr. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 246–258.

Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. Berlin: Bundesregierung, 2016. 143 S.